

АНДРЕ МОРУА

ПРЕВРАТНОСТИ ЛЮБВИ



Санкт-Петербург

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44
М 80

André Maurois

CLIMATS

Copyright © Éditions Grasset & Fasquelle, 1928

Перевод с французского и примечания Евгения Гунста

Серийное оформление Владимира Гусакова

Оформление обложки Татьяны Павловой

Моруа А.

М 80 Превратности любви : роман / Андре Моруа ; пер. с фр. Е. Гунста. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2026. — 352 с. — (Настроение читать).

ISBN 978-5-389-31853-3

Андре Моруа, классик французской литературы XX века, считается подлинным мастером психологической прозы. Его книга «Превратности любви» — истинный шедевр любовного романа — во многом автобиографична. Главные герои рассказывают друг другу историю своей жизни. Каждая исповедь — это поиск родственной души, тайна которой даже для любящего оказывается непостижимой...

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

- © Е. А. Гунст (наследник), перевод, примечания, 2026
- © Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

ISBN 978-5-389-31853-3

Мы упорно ищем вечное где-то вдали; мы упорно обращаем внутренний взор не на то, что перед нами сейчас и что сейчас явно; или же ждем смерти, словно мы не умираем и не возрождаемся всякий миг. В каждое мгновение нам даруется новая жизнь. Сегодня, сейчас, сию минуту — вот единственное, чем мы располагаем.

*Ален*¹

ЧАСТЬ
ПЕРВАЯ

ОДИЛИЯ

Филипп Марсена —
Изабелле де Шеверни

I

Мой внезапный отъезд, вероятно, удивил Вас. Я прошу за него прощения, но не раскаиваюсь в нем. Не знаю, слышите ли Вы, подобно мне, ту внутреннюю музыку, которая поднимается, словно ураган, и бушует в моей душе, как буйное пламя Тристана². Ах, как хотелось бы мне отдаться тому волнению, что еще третьего дня, в лесу, бросило меня к Вашим ногам, к Вашему белому платью. Но я боюсь любви, Изабелла, и боюсь самого себя. Не знаю, что именно Ренэ, что другие рассказали Вам о моей жизни. Мы с Вами иногда говорили о ней; но я не сказал Вам правду. Прелесть новых встреч в том и состоит, что мы надеемся преобразить в глазах незнакомых людей наше прошлое, которое должно было быть совсем иным, — преобразить, опровергнув его. Наша с Вами дружба уже переросла пору одних только лестных признаний. Мужчины обнажают свою душу, как женщины — тело, постепенно и лишь после упорной

борьбы. Я бросил в сражение один за другим все свои последние тайные резервы. Истинные мои воспоминания, укрывшиеся в крепости, осаждены и готовы сдаться и выйти на свет божий.

Теперь я вдали от Вас, я в той самой комнате, где прошло мое детство. На стене — этажерка с книгами, которые моя мать уже больше двадцати лет бережет, как она говорит, «для своего старшего внука». Будут ли у меня сыновья? Вот эта книга с широким красным корешком, закапанным чернилами, — мой старей греческий словарь, а эти, в золоченых переплетах, — мои школьные награды. Мне хотелось бы рассказать Вам, Изабелла, всю мою жизнь, начиная с той поры, когда я был ласковым мальчуганом, до того времени, когда я стал циничным юношей, потом мужчиной — оскорбленным, несчастным. Я хотел бы все рассказать Вам — простодушно, правдиво, смиренно. Но если я и доведу этот рассказ до конца, у меня, быть может, не хватит мужества показать его Вам. Что ж! Подвести итог жизни небесполезно, хотя бы и для самого себя.

Помните, однажды вечером, возвращаясь из Сен-Жермен³, я описал Вам Гандюмас? Это край прекрасный и печальный. В дикой лощине мчится бурный поток, огибая ряд строений; это наши фабрики. Наш дом — небольшой замок XVI века, каких немало в Лимузене, — высится

над песчаной равниной, поросшей вереском. Еще совсем ребенком я испытал чувство гордости, осознав, что я — Марсена и что наше семейство занимает в округе господствующее положение. Крошечный бумажный заводик, который моему деду с материнской стороны служил всего лишь лабораторией, благодаря энергии моего отца превратился в большую фабрику. Отец выкупил хутора, находившиеся в аренде, и Гандюмас, земли которого до той поры почти не обрабатывались, стал образцовым поместьем. В детстве я был свидетелем того, как у нас непрерывно возводились все новые и новые здания и расширялся амбар для древесины, построенный вдоль потока.

Семья моей матери — родом из Лимузена. Мой прадед, нотариус, купил замок Гандюмас, когда его пустили в продажу как национальное имущество⁴. Отец, инженер из Лотарингии, поселился здесь только после женитьбы. Он вызвал к себе одного из своих братьев, дядю Пьера, и тот обосновался в соседнем селе — Шардейле. По воскресеньям, в хорошую погоду, наши семьи встречались у Сент-Ирьекских прудов. Мы отправлялись туда в экипаже. Я сидел на узенькой жесткой откидной скамеечке напротив родителей. Монотонный бег лошади наводил на меня сон; от скуки я наблюдал за ее тенью, которая то сжималась, то уходила вперед, обгоняя нас, то оказывалась позади на поворотах — в зависимости

от того, пробегала ли она по стенам деревенских домиков или по откосам, тянувшимся вдоль дороги. Временами нас обволакивал, словно облако, запах навоза, и я замечал вокруг себя больших навозных мух; этот запах до сих пор хранится в моей памяти; как и звуки церковного колокола, он связан у меня с представлением о воскресном дне. Я терпеть не мог косогоров, — тут лошади переходили на шаг, и сколько ни щелкал старик-кучер и языком и бичом, коляска двигалась невыносимо медленно.

На постоялом дворе нас ждали дядя Пьер с женой и кузина Ренэ, их единственная дочь. Мама давала нам бутерброды, а отец говорил: «Идите играйте». Мы с Ренэ гуляли под деревьями или по берегам прудов и собирали каштаны и сосновые шишки. Отправляясь в обратный путь, мы брали Ренэ с собою; чтобы ей было где сесть, кучер опускал борта откидной скамеечки. В дороге мои родители всегда молчали.

Разговаривать они не могли из-за крайней застенчивости отца; он не выносил проявления на людях каких-либо чувств. Стоило только маме сказать за столом что-нибудь, касающееся, например, нашего воспитания, или фабрики, или дядей, или тети Корá, которая жила в Париже, как папа пугливым жестом указывал ей на прислуживающего лакея. Мама умолкала. Я еще в детстве заметил, что если папа или дядя хотят упрекнуть в чем-нибудь один другого, то они с вели-

кими предосторожностями поручают передать это своим женам. Тогда же я узнал, что отец не терпит откровенностей. У нас считалось, что общепринятые чувства всегда искренни, что родители всегда любят своих детей, дети — родителей, мужа — жен. Марсена принимали мир за благопристойный земной рай, и это было у них, мне кажется, скорее следствием душевной чистоты, чем лицемерия.

II

Залитая солнцем лужайка в Гандюмасе. Ниже, в долине, — село Шардейль, подернутое колеблющимся раскаленным маревом. Мальчуган стоит по пояс в яме, которую он вырыл в куче песка, и, зорко всматриваясь в окружающий широкий пейзаж, выжидает появления воображаемого неприятеля. Эту игру подсказала мне моя любимая книжка: «Осада крепости» Данри. Притаившись в яме, я изображал канонира Митурра; я защищал форт Луивиль, находившийся под командованием старого полковника, ради которого я с радостью пожертвовал бы жизнью.

Простите, что я останавливаюсь на этих ребяческих чувствах, но именно здесь я нахожу первое проявление той жажды беззаветной преданности, которая была одним из главенствующих факторов моего характера, хотя впоследствии она и обращалась на объекты совсем иного рода. Анализируя еле уловимую частицу моей детской души, еще сохранившуюся у меня в памяти, я об-

наруживаю в этой жажде самопожертвования некоторый оттенок чувственности. Впрочем, вскоре эта игра видоизменилась. В другой книжке — мне ее подарили к Новому году, и она называлась «Русские солдатики» — я прочел о приключениях нескольких школьников, которые решили создать армию и избрали своей королевой некую курсистку. Королеву звали Аня Соколова. «То была девушка на редкость красивая, стройная, изящная и ловкая». Мне очень нравилась клятва, которую солдаты приносили королеве, подвиги, которые они совершали ей в угоду, и улыбка, служившая им наградой. Не знаю, почему меня так пленял этот рассказ, но он меня пленял, он был мне дорог, и, несомненно, именно благодаря ему в моем воображении сложился тот идеал женщины, который я Вам не раз описывал. Я вижу себя идущим рядом с нею по гандюмасским лужайкам; она проникновенным, грустным голосом говорит мне какие-то прекрасные слова. Не знаю, в какой именно момент, но я стал называть ее Амазонкой. Зато хорошо знаю, что к радости, которую она даровала мне, всегда пришивалось представление об отваге, о риске. Я очень любил также читать с мамой рассказы о Ланселоте Озерном⁵ и о Дон-Кихоте. Я не мог поверить тому, что Дульсиня дурна собою, и даже вырвал из книги картинку с ее изображением, чтобы ничто не мешало мне представлять ее себе такой, какой мне хочется.

Хотя кузина Ренэ и была на два года моложе меня, мы долго учились с нею наравне. Позже, когда мне исполнилось тринадцать лет, отец определил меня в лицей имени Гей-Люссака в Лиможе. Я жил там у нашего родственника и приезжал домой только по воскресеньям. В лицее мне очень нравилось. Я унаследовал от отца вкус к занятиям и чтению; учился я хорошо. Во мне все сильнее стали сказываться чувство собственного достоинства и застенчивость, свойственные всем Марсена; эти качества были для них так же характерны, как блестящие глаза и несколько приподнятые брови. Единственным противовесом моей гордыни служил образ Королевы, которому я был по-прежнему верен. Вечерами, перед сном, я рассказывал самому себе разные истории, и героиней их неизменно бывала моя Амазонка. Теперь у нее появилось имя — Елена, ибо я был влюблен в гомеровскую Елену, а повинен в этом приключении был наш учитель, господин Байи.

Почему некоторые картины остаются у нас в памяти такими же четкими, как в момент самого видения, в то время как другие, казалось бы более значительные, быстро тускнеют, а затем и вовсе стираются? Вот и сейчас на некоем внутреннем экране я поразительно четко вижу, как в тот день, когда нам предстояло писать французское сочинение, господин Байи, не торопясь, входит в класс; он вешает на крючок свой пасту-

ший плащ и говорит: «Я подыскал для вас прекрасную тему: Палинодия Стесихора»⁶. Да, я как сейчас вижу господина Байи. У него густые усы, волосы бобриком, лицо со следами бурных и, по-видимому, горестных страстей. Он вынимает из портфеля бумажку и диктует: «Поэт Стесихор проклял в своих стихах Елену, из-за которой греков постигли великие бедствия; в наказание за эту дерзость Венера лишила его зрения. Тогда поэт понял свою ошибку и сочинил палинодию, в которой выражает сожаление о том, что осмелился оскорбить красоту».

С каким удовольствием я перечел бы сейчас восемь страниц, написанных мною в то утро! Мне уже никогда больше не удавалось столь полное слияние сокровенного чувства с написанной фразой, никогда — разве что в двух-трех письмах к Одилии да еще на днях — в письме, которое предназначалось Вам, но не было мною отослано. Тема жертвы, принесенной во имя красоты, рождала во мне такие глубинные отзвуки, что, несмотря на детский возраст, меня охватывал ужас, и я два часа писал с каким-то мучительным пылом, словно предчувствовал, как много оснований окажется и у меня, в моей земной трудной жизни, написать такую же палинодию.

Но я внушил бы Вам совершенно ложное представление о том, что собою представляет душа пятнадцатилетнего школьника, если бы не

подчеркнул, что мое воодушевление оставалось сугубо внутренним и глубоко затаенным. В разговорах со сверстниками о женщинах и о любви я был циником. Некоторые из моих товарищей делились своим опытом, не брезгуя грубыми техническими подробностями. Моя Елена воплотилась для меня в лице молодой лиможской дамы, приятельницы родственников, у которых я жил. Ее звали Дениза Обри; она была хороша собою и слыла легкомысленной. Когда при мне упоминали о том, что у нее есть любовники, я вспоминал Дон-Кихота, Ланселота Озерного и мне хотелось с пикой в руке ринуться на клеветников. Когда госпожа Обри приходила к нам обедать, я терял голову от радости и страха. Все, что я говорил при ней, казалось мне нелепым. Я ненавидел ее мужа, владельца фарфорового завода, человека безобидного и благожелательного. Возвращаясь из лицея, я всегда надеялся встретить ее на улице. Я заметил, что около двенадцати она часто ходит за цветами или пирожными на улицу Порт-Турни. Я спешил занять к этому времени место у собора, между кондитерской и садоводством. Несколько раз мне удавалось проводить ее до дому, и я шел возле нее со школьным ранцем под мышкой.

С наступлением лета я стал чаще видеть ее за городом, на теннисе. Как-то вечером, в дивную погоду, кое-кто из молодых людей и дам решил

тут же и поужинать. Госпожа Обри, отлично зная, что я в нее влюблен, предложила мне тоже остаться. Ужин прошел очень весело. Смеркалось; я лежал на траве, у ног Денизы; рукой я коснулся ее щиколотки; я осторожно обхватил ее, не встретив сопротивления. Неподалеку цвел жасмин, и я еще до сих пор слышу его пряное благоухание. Сквозь ветви мерцали звезды. То был миг полного блаженства.

Когда совсем стемнело, я заметил, что к Денизе кто-то подбирается, и догадался, что это двадцатисемилетний лиможский адвокат, уже успевший приобрести репутацию очень умного человека. Я невольно стал свидетелем их разговора. Он тихонько просил Денизу встретиться с ним в Париже, давал ей адрес; она прошептала: «Перестаньте», однако я понял, что она придет. Я по-прежнему держал ее ногу, и она предоставляла ее мне, счастливая и безразличная; но я почувствовал себя оскорбленным и внезапно воспытал диким презрением к женщинам.

Сейчас передо мной, на столе, лежит моя школьная записная книжка, в которую я заносил названия прочтенных книг. Вижу там: 26 июня, «Д.» — заглавная буква обведена кружком. Под нею я выписал фразу из Барреса: «Не надо придавать особого значения женщинам: надо восторгаться, глядя на них, и дивиться тому, что такой незначительный повод может вызывать у нас столь приятное чувство».

Все лето я ухаживал за девушками. Я узнал, что в темных аллеях можно обнимать их, целовать, наслаждаться близостью девичьего тела. Случай с Денизой Обри, казалось, излечил меня от романтики. Я разработал определенную тактику распутства; оно удавалось настолько безошибочно, что я преисполнялся гордостью и отчаянием.

III

Через год отец, уже давно состоявший членом департаментского совета, был избран сенатором от Верхней Виенны. Наш жизненный уклад изменился. Старшие классы лицея я прошел в Париже. В Гандюмасе мы теперь жили только летом. Было решено, что я подготовлюсь к получению степени лиценциата прав и, прежде чем выбрать карьеру, отбуду воинскую повинность.

Во время каникул я встретился с госпожой Обри — она приехала в Гандюмас с нашими лиможскими родственниками; насколько я понял, она сама напросилась присоединиться к ним. Я предложил показать ей наш парк и с радостью повел ее в беседку, которую называл своей обсерваторией и где в пору, когда был влюблен в нее, не раз проводил целое воскресенье, с утра до вечера предаваясь смутным мечтам. Тесное, поросшее лесом ущелье очень понравилось ей; в глубине его виднелись камни, выступающие из

пенящейся воды, и легкие дымки фабрики. Когда она встала со скамьи и высунулась из беседки, чтобы разглядеть мастеров, которые работали вдали, я положил руку ей на плечо. Она улыбнулась. Я попытался поцеловать ее; она слегка, не сердясь, отстранила меня. Я сказал, что в октябре вернусь в Париж, что у меня собственная квартирка на левом берегу, что я буду ждать ее там. «Не знаю, — молвила она, — это не так просто».

В записной книжке, среди заметок, относящихся к зиме 1906/07 года, я нахожу многочисленные упоминания о «свиданиях с Д.». Дениза Обри разочаровала меня. Но я был к ней несправедлив. Она обладала многими достоинствами, мне же почему-то хотелось, чтобы она являлась для меня не только любовницей, но и товарищем по научным занятиям. Она приезжала в Париж, чтобы повидаться со мной, померить платья, шляпки. Это вызывало у меня глубокое презрение. Я жил книгами и не допускал, что можно жить иначе. Она попросила у меня сочинения Жида, Барреса, Клоделя, о которых я ей часто говорил; то, что она сказала, прочитав их, меня покорило. Она была хорошо сложена; как только она уезжала в Лимож, я начинал страстно желать ее. Но стоило мне провести с нею часа два, и мне хотелось умереть, сгинуть или побеседовать с приятелем-мужчиной.

Самыми близкими моими друзьями были Андре Альф, умный, несколько угрюмый еврей, с которым я познакомился на юридическом факультете, и Бертран де Жюссак, мой лиможский товарищ; он поступил в Сен-Сир и на воскресенья приезжал к нам в Париж. В обществе Альфа и Бертрана мне казалось, что я погружаюсь в какую-то более глубокую сферу искренности. На поверхности оставался Филипп, каким он был для родителей, — простое существо, состоящее из нескольких принятых в семье Марсена условностей и из редких поползновений к самостоятельности; затем следовал Филипп Денизы Обри, с приступами чувственности и нежности, на смену которым приходила грубость; потом Филипп Бертрана — смелый и чувствительный; затем Филипп Альфа — решительный и непреклонный, — и я знал, что под ними таится еще другой Филипп — самый истинный по сравнению с предыдущими, единственный, который мог бы принести мне счастье, если бы мне удалось с ним слиться, — но я не старался даже понять его.

Говорил ли я Вам о комнате, которую я снял в домике на улице Варенн и обставил очень строго, соответственно тогдашним моим вкусам? На голых стенах — маски Паскаля и Бетховена. Странные свидетели моих приключений! Диван, служивший мне ложем, был покрыт грубым серым холстом. На камине стояли бюсты Спинозы

АНДРЕ МОРУА
ПРЕВРАТНОСТИ ЛЮБВИ

Ответственный редактор Кирилл Красник
Художественный редактор Татьяна Павлова
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректор Лариса Ершова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 24.02.2026.

Формат издания 76 × 100 ¹/₃₂. Печать офсетная.

Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 15,51. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru	Санкт-Петербург қ., «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru	www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<https://certification.atticus-group.ru/>

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)



Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт». 170546, Тверская область,
Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А. www.pareto-print.ru



A-NAM-41130-01-R